

ОРТОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА НОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

© 2016 г. **Е. В. Бешенкова**

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН;
Россия 119019, Москва, ул. Волхонка, д.18/2
evbeshenkova@gmail.com

ORTHOLOGICAL THEORY AND THE POLICY OF ORTHOGRAPHISTS TODAY

© 2016 **Elena V. Beshenkova**

Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher
at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS,
18–2 Volkhonka Str., Moscow 119019, Russia
evbeshenkova@gmail.com

В статье даются определения дескриптивной и ортологической орфографии, рассматриваются основные их положения с точки зрения взгляда на письмо как на саморазвивающуюся систему. В рамках такого подхода кодификатор является лишь одним из ряда факторов, определяющих вероятность сценария дальнейших изменений в способах письменного отображения речи. Реализация одного из возможных сценариев предстает и как искусственно созданная (результат сознательной деятельности авторитета), и как результат естественного развития. Это не уменьшает ответственности кодификатора; напротив, его вмешательство должно быть осознанным, предполагать ясные цели и выработанную стратегию управления этой саморазвивающейся системой. При этом основополагающими вопросами выбора стратегии являются вопросы о цели управления, способе управления и характере процесса управления. Обсуждаются ключевые критерии нормы, обосновываются конкретные нормализаторские решения.

The article focuses on main questions of theoretic orthography. According to the theory of self-developing system, a codifier is one of many factors that determine the probability of the scenario of further changes. Implementation of one of the possible scenarios is presented both as artificially created (the result of the conscious activity of the authority) and as a result of natural development. It does not diminish the responsibility of the codifier; on the contrary, his/her intervention should be deliberate, should set clear goals and develop a strategy for the management of the self-developing system. This basic strategy is based on adequate purpose of management, control method and the nature of the control process. The article discusses key criteria of standardization in terms of the theory of self-developing system.

Ключевые слова: орфография, ортология, письмо, правила, исключения, неравновесность, критерии нормативности, политика кодификаторов

Key words: spelling, orthography, orthology, writing, rules, exceptions, non-equilibrium, normative criteria, policies of codifiers

Орфография как дескриптивная и как ортологическая наука

В современном языкознании под термином *орфография* понимают две разные науки: дескриптивную¹ (описательную, объективную) и прескриптивную (ортологическую, предписывающую).

Орфография как дескриптивная наука — наука, которая исследует законы функционирования и развития письменной речи. Ее естественнонаучным объектом является реальное письмо² (узус). Методы дескриптивной орфографии не отличаются от методов других дескриптивных наук о языке: определение единиц системы письма и их отношений, выявление внутренних конфликтов, их взаимодействия и разрешения, построение той или иной модели устройства и функционирования письма, анализ внешних воздействий как других языков, так и социальных изменений и т.д.

В дескриптивной орфографии есть свои единицы описания (например, финаль, орфографически значимый слогораздел); понимание многих морфологических единиц (конкретных корней, суффиксов, приставок) оказывается более историчным, чем в синхронной морфологии. Дескриптивная орфография описывает письмо и с исторической точки зрения, и с синхронной. В синхронной орфографии есть специфический способ описания — правила. Орфографические правила являются как одним из способов описания законов и закономерностей современного письма, так и дидактическим руководством, т.е. средством ортологической науки. К правилу как общенаучному способу описания применяются те же критерии, что и к любому другому способу объективного описания языка: непротиворечивость, адекватность, полнота. Ортология добавляет к этим критериям еще и требования “отсутствия избыточности

критериев”, “полноты списка исключений”, “понятности рядовому пишущему” и др.

В дескриптивной орфографии существуют два основных подхода к описанию объекта: фонематический и морфологический. Эти подходы реализуются в разных справочниках по орфографии: при фонематическом подходе раздел выбора букв построен по принципу “от произношения к написанию” ([1], [2], [3]), при морфологическом подходе (все справочники под ред. Д.Э. Розенталя и многие другие) построение воспроизводит репертуар типов морфем: “правописание корней”, “правописание приставок”, “правописание окончаний”.

Дескриптивная орфография строит модель письменной речи, “которая позволяет рассматривать данную сферу языка как полноценный (объективный, естественный, многосторонний, самонастраивающийся и саморазвивающийся) объект лингвистической теории в ее фундаментальном статусе” [5].

Орфография как ортологическая наука — наука, которая “изучает функционирование и историческую изменчивость орфографической нормы в ее соотношении с системой языка и узусом” [6] или “раздел языкознания, изучающий и разрабатывающий систему правил, обеспечивающих единообразие написаний” [7, с. 350]. Эти два определения соответствуют теоретической и практической составляющим ортологической орфографии.

В теоретической ортологической орфографии естественнонаучным объектом является не все письмо, письменный узус, а только его устоявшаяся часть (норма). Основные понятия орфографии-ортологии: норма, узус (стихийное письмо) и система письма (в соотношении с которой рассматривается норма), динамика нормы. Методы орфографии как ортологической науки также не отличаются от методов других ортологических наук: выявляются критерии нормы, ее соотношение с системой и узусом, механизм динамики норм, методы прогнозирования норм (один из последних обзоров разных точек зрения на понятия и методы ортологии дан в работе [8]).

В практической ортологической орфографии на основе анализа системных возможностей, степени устойчивости системы, характера внешних вызовов вырабатывается политика кодификаторов, выбираются конкретные словарные нормы, разрабатываются правила правописания и способы лексикографической фиксации нормы.

Орфография дескриптивная и орфография ортологическая, безусловно, связаны между собой, и их строгое разделение — лишь условность научного описания. Также связаны между собой фонетика и орфоэпия, описательные и ортологические

¹ Термины *дескриптивная* и *прескриптивная* (наука, модель описания) употреблены в соответствии с их общенаучным значением: “Дескриптивная модель — модель, предназначенная для объяснения наблюдаемых фактов или прогнозирования поведения объектов (в отличие от нормативных моделей, предназначенных для нахождения желательного, например, оптимального состояния объекта)” и “Нормативная (или прескриптивная) модель — модель, предназначенная для нахождения желательного состояния объекта” [4]. Термин “ортология” в лингвистике был предложен в статье О.С. Ахмановой, Ю.А. Бельчикова, В.В. Веселитского [38].

² Под письмом часто понимается и просто совокупность написанных текстов (узус), и сам способ коммуникации с помощью графических знаков, и система письма, т.е. “знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять ее во времени” [7, с. 375]. Ср. определение речи: “Речь — конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую <...> или письменную форму” [7, с. 414].

аспекты морфологии, синтаксиса. Однако орфография действительно отличается от остальных наук о языке наибольшим удельным весом своей практической ортологической составляющей. В современной синхронной орфографии, к сожалению, абсолютное большинство работ последних десятилетий посвящено фиксации нормы, а вопросы “детерминированности нормы”, “соотношения детерминант”, выявление точек роста, прогнозирования нормы и т.д. не находятся в фокусе внимания орфографистов. Н.Д. Голев объясняет эту “вопиющую несправедливость” наличием общей установки, согласно которой “заинтересовавшие нас вопросы имеют само собой разумеющиеся ответы, и их постановка неправомерна, неуместна, некорректна; орфография – прикладная наука, и общезыковые категории и подходы к ней неприменимы” [9, с. 5]. Это, конечно, неверная установка, так как любая прикладная наука зиждется на тех или иных решениях теоретических вопросов, которые авторы прикладных работ не эксплицируют. В любой практической работе по орфографии проявляются теоретические позиции авторов, и часто непоследовательность принятых решений связана именно с нечеткостью теоретических установок. И на самом деле, несмотря на эту установку, в орфографии всегда существовал и другой подход, рассматривающий письмо как объективную данность, вне зависимости от действия нормализаторов, составляющих правила. Такой подход является единственно возможным при описании орфографии исторических памятников (см., например, [10], [11], [12]). И “синхронная орфография” тоже часто описывается именно с таких позиций. В современной лингвистике существует достаточно большое число теоретических работ по орфографии, в которых обосновывается необходимость полного детерминологического описания орфографии как языкового феномена. Такой подход реализован, например, в работах Б.И. Осипова, Н.Д. Голева, Т.А. Амировой. С этих позиций Б.С. Шварцкопф описывал пунктуационные нормы. Актуальность теоретических вопросов письма как способа функционирования языка возрастает в пору активных социальных изменений. В эти периоды испытывается на прочность сама система письма, ее адаптационные возможности. А выбранная стратегия нормирования проверяется на фундаментальность основополагающих принципов и их адекватность в новых условиях.

Рассмотрим подробнее основные положения дескриптивной и ортологической орфографии и следствия из них, которые и определяют выбор стратегии кодификаторов сегодня.

Дескриптивная орфография

В теории орфографии споры вызывают самые базисные ее положения: вопрос о самостоятельности письма, о самом наличии естественнонаучного объекта науки. Мы будем исходить из относительной автономии русского письма, развивая точку зрения Й. Вахека на алфавитное письмо: “на первых порах письменная норма представляет лишь транспозицию устной нормы” и “отражает не системы реальных, а первичную знаковую систему”, далее “из вторичной знаковой системы она превращается в первичную, так что основные элементы письменной нормы представляют собой не знаки знаков, а знаки вещей” [13, с. 533] и многих других исследователей (Ср. также высказывание Р.И. Аванесова: “Тенетически письмо и, следовательно, письменный знак появляются на определенном этапе развития общества на базе устной речи, т.е. являются производным от него. С точки зрения синхронной устный язык и письменный язык – это две формы реализации языка, идеальная модель которого заложена в сознании пишущих и читающих. Письменный язык в современном обществе обладает определенными признаками автономии, независимости от устной речи” [14, с. 220]). Именно это позволяет приравнивать его к естественным лингвистическим объектам и применять общезыковые подходы.

Из всех существующих на сегодняшний день моделей письма наиболее адекватной нам представляется модель русского письма как саморазвивающейся системы (см. об этом [15], [16], [17], [18] и др.). Приведем те положения этой модели орфографии, которые являются важными при выборе стратегии кодификации.

1. Письмо включает в себя как собственно системные³ компоненты (набор единиц с детерминированными связями), так и асистемные элементы, которые могут вступать во взаимодействие с системными элементами. К асистемным элементам относятся области письма “без правил”, т.е. те области, которые либо не охвачены существующей моделью системы, либо системные противопоставления в них нейтрализуются, и др. Например, в систему русского письма не входят латинские буквы, тем не менее написания *etc.*, *e.g.*, *P.S.* и многие другие являются привычной частью нашего письма. Функционирование структурно-системной части письма и асистемной его части может различаться. Эти части не просто сосуществуют в письме, но и могут взаимодействовать.

³ Слово *система* далее употребляется в двух смыслах: все письмо, рассматриваемое как саморазвивающаяся система, и только собственно системная, т.е. структурно-системная его часть.

2. Система письма распадается на относительно автономные подсистемы, в которых могут быть как устойчивые связи, так и случайные взаимодействия элементов. В систему русского письма входят:

- подсистема графики со своими единицами (алфавитными и неалфавитными),
- подсистема выбора буквы, т.е. собственно буквенная орфография⁴,
- подсистема отражения статуса номинации – единицами подсистемы является регистр букв (прописные – строчные) и кавычки,
- подсистема оформления целостности нефразовой языковой единицы – единицами являются пробел, дефис, контакт,
- подсистема оформления фразовых единиц – единицами являются пунктуационные знаки и кавычки.

3. Система письма является неустойчивой, неравновесной. Степень неравновесности ее структурно-системной части и асистемной части существенно

⁴Приведем определение графико-орфографической системы современного русского языка, данное А.А. Зализняком, концепцию которого автор полностью разделяет: «Графическая система включает: а) инвентарь графем; б) основные правила их употребления при передаче фонем. Под графемами понимаются абстрактные письменные знаки, из которых любые два в силу культурно-исторической традиции в данную эпоху в данном социуме признаются различными (и, соответственно, имеют разные наименования). <...> Основные правила употребления букв – это то же, что основные правила чтения. Их главная составная часть – указание основного чтения для каждой буквы алфавита и для всех диграфов и триграфов. <...> Более сложный особый случай состоит в том, что в роли основного чтения выступает не фонема, а только внесение определенного изменения в чтение соседней буквы; таково положение с русскими *ь* и *ѣ*. Назовем графически правильной записью некоторого отрезка звучащей речи (например, словоформы), если, будучи прочитана по основным правилам чтения (в случае русского языка – с правильным ударением), она дает именно ту фонетическую последовательность, которая записывалась. Например, для словоформы [сАпок] графически правильны записи *сапог*, *сапок*, *сопог*, *сопок*.

Орфография – это совокупность правил, предписывающих выбор одной из графически правильных записей для всех случаев, когда такая запись не единственна. В качестве исключения орфография может также предписывать для отдельных слов или словоформ запись, которая не входит в число графически правильных, как, например, *сегодня*. <...> Структура орфографических правил может быть весьма различной. На одном полюсе здесь находятся самые общие принципы, например принцип (основной для современной русской орфографии), согласно которому в позициях нейтрализации фонем выбор записи определяется тем, какая представлена морфема (а именно морфема записывается так же, как в позиции, где нейтрализации нет). На другом полюсе находятся точечные правила, определяющие написание единичного слова (или даже словоформы). В иерархическом отношении точечные правила стоят выше принципов» [20, с. 171–172].

различаются. Неравновесность структурно-системной части обуславливается и ее асимметричностью (т.е. возможностью одной и той же единицы выполнять несколько функций и возможностью одной и той же функции быть выполненной разными единицами), и наличием в системе маркированных и немаркированных членов оппозиции (как в случае с противопоставлением букв *э* – *е*), и наличием в языке переходных явлений, возможности двоякой трактовки орфографически значимых сущностей. Проявляется она, например, в постоянном взаимодействии правил и исключений из них: исключения могут либо подравняться под систему, либо притягивать к себе новые единицы, усиливая полюс неравновесия. Точки неравновесности в структурно-системной части предсказуемы и поддаются регулированию. В асистемной части письма степень неравновесности и точки неравновесности далеко не всегда предсказуемы и не всегда поддаются регулированию.

4. Связи компонентов системы, причины их изменений могут иметь как строго детерминированный характер, так и вероятностный. В письме это проявляется в наличии как строгих правил-предписаний, так и правил-тенденций, правил-закономерностей, охватывающих лишь большую часть материала.

5. Письмо является открытой системой: как коммуникативное средство оно связано с социальной средой и реагирует на изменения социальных запросов, как специфическое графическое средство оно может взаимодействовать с другими алфавитными системами письма. Как любая открытая система письмо под воздействием внешних факторов может сохранять важнейшие системные характеристики, а может их менять, перестраиваясь, достигая другого стационарного состояния, стремясь к достижению состояния, определяющегося лишь собственной структурой. Система письма способна воспроизводить себя, восстанавливать утраченное равновесие, преодолевать сопротивление внешней среды. Об этом свойстве языка Ф. де Соссюр писал так: «Язык есть механизм, продолжающий функционировать, несмотря на все повреждения, которым его подвергают» [19, с. 93]. Аналогично можно сказать и о письме.

Ортологическая орфография и политика орфографистов сегодня

Как уже было сказано, ортологическая орфография включает в себя теоретическую часть (выработку критериев определения норм) и практическую часть (выработку способов фиксации норм и саму фиксацию норм).

Ортология как теоретическая наука имеет своей целью разностороннее описание не всего языка, а его “устойчивой” части, т.е. к методологии, касающейся общелингвистического описания языковых фактов, добавляются следующие аспекты: а) способы определения нормы (что именно из всего письма признать устоявшимся, общепризнанным, типичным); б) описание нормы; трактовка этого описания с точки зрения на норму как на реализацию одной из возможностей системы: ее принципы, антиномии, значимые для нее внешние факторы, условия, позволившие сформироваться данной норме, степень ее устойчивости, ее место среди других потенциальных сценариев; в) описание динамики нормы; г) прогнозирование возможных сценариев изменения нормы.

В ортологии ключевым понятием является понятие нормы, которое неразрывно связано с понятием узуса (письменной речи, стихийного письма). При всем многообразии терминов, используемых в ортологии вообще и в ортологии письма в частности, в понимании их различий важно, что исследователи выделяют три разные сущности: письмо как оно есть (письменный узус), устоявшаяся часть этого письма и письмо как результат целенаправленной кодификации, то есть то, как оно представлено в словарях, правилах и грамматиках. Хотя сами сущности различались и в основополагающих работах Э. Косериу, и в работах Б. Гавранека, А. Едлички, термины, которые соотносятся с этими сущностями, настолько различаются, что при цитировании работ того или иного лингвиста приходится уточнять его понимание приводимых терминов.

Мы придерживаемся следующего понимания основных терминов.

Под письменным узусом мы понимаем совокупность всех написанных текстов, прошедших корректуру.

Под нормой письма понимается совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций единиц письма, отобранных и закрепленных общественной письменной практикой⁵. Иногда эту сущность называют “стихийной, узуальной нормой” (О.Б. Сиротинина), “общепринятым узусом” или “воплощенной нормой” (Л.И. Скворцов), “эксплицитно не сформулированной, реальной нормой” (Б.И. Осипов), “нормой в широком понимании” (Л.П. Крысин). Одним из фундаментальных свойств этой стихийной нормы является противоречие: с одной стороны, ее стабильность, а с другой стороны, ее изменчивость.

⁵ Ср. общее определение языковой нормы у Н.Н. Семенюк: “совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных общественной языковой практикой” [7], [23, с. 555].

Это определяет и отмеченную историками особенность ее изменения: в отличие от узуса, она меняется скачкообразно [21], [22].

Кодифицированная норма (кодификация) – закрепленная лингвистами некоторая единица письма как нормативная. Иногда вместо термина кодифицированная норма употребляют термины “норма в узком смысле” (Л.П. Крысин), просто “норма” (например, Т.П. Ломтев), “регламентированная норма” (И.М. Некипелова).

Отношение кодифицированной нормы и стихийной, узуальной нормы неоднозначно. С одной стороны, кодификация может включать в себя элементы, не входящие в узуальную норму, не являющиеся общепринятыми в данный момент времени (например, элементы, еще не вошедшие в обиход, не устоявшиеся в своем значении, фонетическом или орфографическом облике, или элементы, вышедшие из общего употребления). С другой стороны, в кодификацию могут не входить элементы узуальной нормы (так, в орфографическую кодификацию письма практически не включаются варианты, реально существующие в норме). Кодифицированная норма является результатом работы ученых и призвана не только отражать стихийно сложившуюся норму, зависящую от коллективного мышления и стихийных процессов стандартизации, но и исправлять ее в соответствии с выбранной целью кодификатора.

Кодификация может отставать от изменений в норме, может отражать эти изменения в виде тех или иных рекомендаций, а может и опережать складывание нормы. Действительно, в некоторых случаях кодификаторы пытаются предвосхитить возможное появление и закрепление колебаний для только появляющихся слов и рекомендуют один вариант, еще не установившийся в стихийной норме. Так было, например, с рекомендацией писать слово *шопинг* с одной буквой *n*, хотя в то время абсолютно преобладающим был вариант с двумя буквами *n*, аналогично и слово *легинсы* было рекомендовано писать с одной согласной *z*, хотя первоначально удвоенная согласная преобладала в узусе. (А вот для некоторых слов с первой частью *эконом* было предложено закрепить первоначально более распространенный дефисный вариант написания *эконом-панель*, *эконом-сервис*, *эконом-такси*, *эконом-уровень*, хотя они имеют однозначную трактовку и должны писаться слитно как сложносокращенные слова. Сегодня многие такие слова в узусе чаще встречаются в слитном написании, и встает вопрос о перекодификации.)

Таким образом, орфографическая кодифицированная норма, как и всякая другая кодифицированная

норма, принципиально не может во всем совпадать с современной ей стихийной, узуральной нормой⁶.

В ортологии также важно понимание соотношения системы и нормы. Если исследователь определяет норму как реализацию возможностей системы, то в его исследованиях не учитываются асистемные элементы. Мы будем исходить из того, что норма включает в себя и реализованную возможность системы, и асистемные элементы.

Норма рассматривается как исторически изменчивая сущность. Вопрос об изменчивости нормы, как и вопрос о норме как способе реализации системы, затрагивает понятие варианта. Мы принимаем следующую трактовку термина «орфографические варианты». Орфографические варианты – варианты написания одного и того же слова в его определенном фонетическом облике и с определенным значением и другими признаками, характерными для этого слова. Другими словами, любые графически правильные записи данного слова, получившие распространение в узусе, ставшие типичными, т.е. вошедшие в норму или даже зафиксированные словарями, являются орфографическими вариантами. Так, написания *дистрибьютор* и *дистрибьютер*, *джерид* и *джирит* (копье, ист.), *ритейл* и *ретейл*, *апплике* и *аплике*, *неоправданно* и *неоправдано*, *оббить* и *обить* (обобью), *диерема* и *диэрема*, *рубайат* и *рубаят*, *изразчатый* и *израцатый*, *неизвестно* и *не известно* являются орфографическими вариантами, так как отражают одинаковое произношение и передают одинаковое лексическое, грамматическое, синтаксическое, стилистическое значение слова.

Ортология как практическая наука имеет своей целью управление процессом формирования и функционирования нормы. Этот аспект науки включает в себя как предварительное изучение нормы, так и выработку стратегии нормирования (кодификации).

Для языка и письма – как для саморазвивающихся систем – до определенных пор не требуется какой-либо регулятор их функционирования. Вопрос о необходимости кодификации норм русского письма, т.е. об авторитетном, официальном и обязательном для всех закреплении норм, встал в XVIII в. с изменением социальных условий функционирования письма: расширением социальной базы, когда письмо становится полифункциональным и всеобщим, с очередным влиянием других систем письма, ростом роли печатных книг и норм типографии. Если в предыдущие эпохи роль регулятора письма осуществляли

образцовые тексты, разные для разных школ переписчиков, то теперь эта роль переходит к словарям и грамматикам, справочникам. Современное письмо представляется кодификаторам как результат действия объективного, естественного и субъективного, искусственного факторов.

В общей методологии описания саморазвивающихся систем роль искусственного фактора, т.е. роль сознательного вмешательства человека, рассматривается как один из множества компонентов процесса функционирования системы. Кодификатор не может превратить ни саму непрерывно развивающуюся систему письма, ни ее устойчивую зону (т.е. стихийную норму) в коллективный договор, который можно менять по своей прихоти⁷. Кодификатор не является ни простым описателем стихийно сложившейся нормы, ни диктатором. Он является одним из факторов, определяющих вероятность сценария дальнейших изменений. Кодификатор актуализирует те или иные сценарии, «русла» развития системы и становится участником естественного процесса эволюции, одним из его компонентов. Реализация одного из возможных сценариев предстает и как результат сознательной деятельности авторитета, и как результат естественного развития. Однако в состояниях неустойчивости система становится особо чувствительной к внешним воздействиям, в том числе к деятельности кодификатора, поэтому благодаря деятельности кодификатора могут реализоваться даже маловероятные сценарии развития. Это повышает роль и ответственность кодификатора, хотя состояние неустойчивости языковой системы обычно возникает в периоды активных социальных изменений, а именно в эти периоды падают любые авторитеты, в том числе авторитет кодификатора. Именно в такие периоды кодификатору необходимо сознательно формировать свою стратегию, его деятельность должна основываться на четко осознанных целях, а не на аморфном следовании за стихийными процессами.

Такое понимание роли человека (кодификатора письма) снимает вопрос о правомерности рассмотрения письма как естественнонаучного объекта, позволяет по-другому оценить его практическую деятельность и по-другому формировать теоретические основы для этой деятельности. Такое понимание не уменьшает ответственности кодификатора, наоборот, его вмешательство должно быть осознанным, должно предполагать ясные цели и выработанную стратегию управления этой саморазвивающейся системой. При этом основополагающими вопросами выбора стратегии является вопросы о цели управления,

⁶ Ср. высказывание Б.И. Осипова: «Кодифицированная норма и реальная норма (то, что мы уже не раз называли выше литературным узусом) – неизбежно расходятся» [11, с. 4].

⁷ Как писал еще Я.К. Грот, письмо «нельзя свести с его исторической почвы и двинуть по новой искусственной колее» [24, с. 7].

способе управления и характере протекания процесса управления.

Основная цель кодификации всегда одна – обеспечить письменную коммуникацию. Эта цель может достигаться разными способами: кодификаторы определяют для себя, какой из способов, какой из сценариев развития письма им видится предпочтительным, и ищут способы воплощения этого сценария в жизнь.

Глобальных сценариев может быть три.

1. Первый сценарий – сохранение сложившейся системы письма. В таком случае на этапе формирования узуальной нормы целесообразно попытаться повлиять на узус и рекомендовать системно обусловленный вариант написания (например, рекомендовать одну согласную в *шопинг*, поскольку уже есть однокоренные *шоп*, *шоп-тур*, *шопоголик*, *шопингомания*).

2. Второй сценарий – изменением самой системы (вернее реализованного варианта системы). В этом случае кодификатор должен знать, к какому варианту системы он хочет привести письмо, и выбрать именно тот узуальный вариант, который этому соответствует, или идти путем реформ, если сложилась благоприятная социолингвистическая ситуация. Например, кодификаторы хотят унифицировать написания типа *предынфарктный*, *постинфарктный*, т.е. изменить действующее соотношение фонетического и морфологического принципов. Реальная ситуация в письме столь неустойчива, что введение даже минимального числа исключений (хотя бы *безинвестиционный*, *безипотечный*) активизирует не соответствующие правилу написания с начальной *и* корня для массы слов. Поэтому сегодня кодификаторы не вводят исключений, а ждут реформ.

3. Третий сценарий – приведение к несистемному, чисто традиционному способу письма. В этом случае кодификатор волен принимать любые решения, но при этом должен существовать единственный нормативный словарь.

Характер протекания процесса тоже может выбираться кодификатором разный: адаптационный или скачкообразный. Выбор способа и характера управления, его эффективность зависит от тех социальных условий, в которых он осуществляется.

Сегодня кодификаторы орфографии видят свою цель в сохранении системы и степени системности⁸, а характер управления выбирают адаптационный,

поскольку социолингвистическая ситуация, как показали попытки введения изменений в конце XX века, неблагоприятна для реформ (см. об этом подробнее в [25]).

Определив сценарий, кодификаторы решают, какие факторы они должны учитывать, выбирая ту или иную кодификацию, чтобы реализовать выбранный сценарий. Набор этих факторов у кодификаторов не сильно менялся с развитием теории письма и нормотворческой практикой, хотя расхождения, безусловно, есть⁹. Все теоретики и практики ортологии учитывают как внешние по отношению к конкретной системе письма, так и внутренние факторы ее структурно-системной и асистемной части, которые влияют на функционирование письма, но с разной степенью детализации.

Мы выделили несколько ключевых факторов:

1. Функциональный: письмо как средство коммуникации должно обеспечивать письменную коммуникацию всех современников и отчасти предшественников, но может ли оно быть средством коммуникации и обособления какой-то группы пишущих или самовыражения пишущего?

2. Коммуникационный: кто приоритетный участник коммуникации: пишущий или читающий (записывающий)?

3. Узуальный: существуют ли узуальные предпочтения, узуальная норма?

4. Системный 1: какие есть системные возможности в данной области письма?

5. Системный 2: какова степень упорядоченности данной части саморазвивающейся системы?

6. Исторический: существует ли историческая тенденция изменения письма в данной области?

7. Межъязыковой: какова степень активности влияния других языковых и орфографических систем в данной области?

Попытки построить критерии нормативности в строгой иерархии обречены на неуспех, т.к. система письма, построенная на живых дихотомиях, принципиально разновекторна. Эта разновекторность затрудняет прогноз при кодификации слова, входящего в язык, уменьшает вероятность принятия обществом рекомендаций кодификатора, но это не превращает деятельность кодификатора в “гадание на кофейной гуще”. Цель кодификатора – создавать условия для реализации нужной ему потенции системы письма, находить точки бифуркации и в конечном итоге “властвовать над хаосом”. Конечно, выбрав сценарий,

⁸Как показывает анализ кодификационных решений последних десятилетий, хотя кодификаторы и стремятся к сохранению системы, но при этом делают уступки узусу и зачастую увеличивают степень неравновесности системы (см. [28]).

⁹Последний обзор точек зрения на нормативные критерии и их иерархию см. в [26, с. 14].

кодификаторы задают некоторый вектор. Так, выбрав целью сохранение системы, кодификаторы тем самым первостепенным должны считать системный критерий.

Остановимся подробнее на тех реальных задачах, которые стоят перед кодификаторами, и реальном обосновании принятых кодификационных решений.

1. Вопрос об основном предназначении письма — обеспечить письменную коммуникацию современников и понимание текстов предшествующих поколений (некоторого их числа) — споров не вызывает. Вопрос о том, может ли письмо быть средством коммуникации и обособления какой-то группы пишущих или самовыражения пишущего, обсуждается постоянно и очень горячо. Значимость этого вопроса определяется тем, что стихийная норма зависит и от коллективного мышления, и от индивидуального мышления. Индивидуальное мышление создает свою норму, которая функционирует в кругу общения автора, иногда этот круг достаточно широк. Если автор является авторитетным специалистом в своей области или деятелем той или иной корпорации, то члены сообщества произвольно или вынужденно воспроизводят эту норму в текстах. Постепенно она закрепляется в данном сообществе, стихийно или административно. Происходит даже корпоративная кодификация: появляются корпоративные инструкции или терминологические словари. Однако кодификатор, определяющий не социально ограниченную норму, а норму, общую для всех носителей языка, вынужден учитывать то обстоятельство, что расширение социальной базы употребления единицы меняет условия ее функционирования, при этом может возникнуть иная стихийная норма (как в случае появления слитного написания *машиноместо* вместо терминологического и даже закрепленного в правилах дефисного написания *машино-место*). Кодификатор призван выражать не только интересы какого-либо сообщества, даже если это сообщество коллег, но и интересы государства с его потребностью единой нормы для всех граждан¹⁰. И хотя при наличии безвариативной нормы в написании терминов кодификаторы до сих пор спорадически закрепляли эту норму в орфографическом словаре, последние исследования

поставили целесообразность такой политики под вопрос (см. подробнее [27]).

2. Вопрос о приоритете читающего или пишущего в истории кодификации поднимался не раз. Еще М.В. Ломоносов, решая судьбу русского правописания, отдавал приоритет читающему и признавал первостепенной целью русского письма удобство чтения. Последний раз этот вопрос активно обсуждался в ходе дискуссии о новой реформе в 1960-е годы. Те же споры продолжаются и сейчас. Чисто теоретически признается, что хорошо бы учесть интересы и пишущего, и читающего, но, понятно, что это невозможно (см. подробнее [11, с. 219]).

Анализ проблемных областей письма показал, что часто именно единицы, подчиняющиеся правилам, ориентированным на пишущего, а не читающего, вызывают затруднения либо при чтении, либо при записывании текста. Таково, например, правило об отсутствии разделительных знаков в сложносокращенных словах на стыке частей на согласную и гласную (*детясли, облюст*), или правило о слитном или раздельном написании отрицания *не*. Разберем пример.

Пример. Критерий выбора привилегированного участника является значимым при определении нормы в написании слов с отрицанием *не*. До сих пор привилегированным считался пишущий и правило было ориентировано на него. Так, авторы академического справочника пишут: “Таким образом, пишущий должен отдавать себе отчет в том, что он хочет выразить: отрицание признака — и тогда писать *не* отдельно от следующего слова (напр.: *он не здоров, не важно, не редки случаи, не случайно, не удивительно, не демократическим путем*) или утверждение признака — и тогда писать *не* слитно (*он нездоров, неважно, нередко случаи, неслучайно, неудивительно, недемократическим путем*). От выбора написания будет зависеть и понимание написанного читающим” [29, с. 160]. Однако анализ грамотных текстов показывает, что часто сам пишущий не пользуется этой возможностью (ср.: *Что с тобой? Ты, верно, не здорова? Я хоть и хожу по комнате, но так не здоров, что боюсь к кровати подойти, а то лягу и долго, думаю, не встану. “Здесь, знаешь ли, по рубежу тени мертвых ходят.— Ну, конечно, ты не здоров. Какие тени?” Ваша сестра нездорова. Что у тебя с голосом? Ты нездоров? Элмар был нездоров и хотел отдохнуть*). Если читающий, видя раздельное написание, еще имеет возможность предположить, что пишущий что-то подразумевал, выбирая его, то уж записывающий не имеет никаких опор в произносимом тексте для такого выбора. Это легко проверить экспериментом с безусловно грамотными пишущими: результаты записи под диктовку этих предложений в учительской аудитории выявили ожидаемую вариативность и жаркие споры, что мог иметь в виду говорящий, пишущий. Поэтому считаем, что кодификатор, учитывающий интересы читающего и записывающего, не может в данных контекстах требовать выбор какого-то одного варианта.

¹⁰ Об объективной необходимости единой нормы для всего литературного языка так писал В.М. Живов: “В современном русском литературном языке (как и в других современных литературных языках) норма общезначима и полифункциональна. Это означает, что одни и те же нормы — по крайней мере, орфографические и морфологические — выдерживаются независимо от статуса текста; членение пространства письменности в отношении нормы бинарно: тексты бывают либо грамотными, либо безграмотными” [21, с. 48]. Однако роль этого фактора, обусловленного социальной значимостью грамотной письменной речи, в эпоху активных социальных изменений значительно снижается.

Введение позиции записывающего и придание ей статуса приоритетного, как нам кажется, позволит снизить уровень неустойчивости в некоторых областях письма и учесть позицию обучающегося в тех моментах, когда обретение грамотности затруднено не неправильной методикой или способностями ученика, а реальными противоречиями письма.

3. Вопрос о способах определения наличия и степени устойчивости узуальных предпочтений решается разными исследователями по-разному. Решение любой конкретной орфографической задачи начинается с анализа встречаемости того или иного написания конкретной единицы. Существуют давно выработанные методы статистической оценки данных (см. [32]), однако появление поисковых систем с их статистической обработкой породило иллюзию, что их оценке встречаемости можно доверять. О том, что это далеко не так см. [30], однако кодификаторы и сегодня опираются на данные поисковиков, хотя стараются их корректировать.

Об аккуратности применения количественного критерия говорил еще в 1955 г. С.И. Ожегов, однако и сейчас именно этот критерий часто оказывается решающим при принятии решения. Особенно аккуратно надо относиться к статистическому критерию по отношению к “словам-новобранцам”. Для них характерно прохождение двух этапов: этап вхождения как маркированно чужого, новомодного и этап взаимодействия с системой. Поэтому статистические данные, по нашему мнению, должны играть наименьшую роль в выборе кодификации новых слов.

Другое дело, если слово уже давно освоено, а нормативное написание так и не установилось. В этом случае кодификаторы придают больше значения этому критерию. Именно на основании узуального предпочтения авторы РОС рекомендовали изменить соответствующее правилу слитное написание сложного существительного с соединительной гласной слова *мажоро(минор)*.

Пример. В издании “Русского орфографического словаря” 1999 г. (далее – РОС) слово кодифицировалось согласно правилу в слитном написании *мажороминор*. Но дефисное написание настолько преобладает и в широком узусе, и в специальных, и в некоторых общих словарях¹¹ (хотя написание *мажороминор* также встречается), что в следующем издании авторы словаря изменили кодификацию на дефисное написание *мажоро-минор*. При этом был оставлен без внимания и не отражен в РОС второй термин в тонально-гармонической системе – *миноро(-)мажор*, узуально тоже предпочитающий дефис, но имеющий фиксацию в слитном написании в “Словаре ударений русского языка” Ф.Л. Агеенко и М.В. Зарвы (М., 2000).

¹¹ Например: Музыка. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

Однако далеко не каждое слово, часто встречающееся в узусе в написании, не соответствующем правилу или словарю, кодификаторы закрепляют в соответствии с узусом. Необходимо оценить не только узуальные предпочтения для данного слова, но и долю того или иного решения выделенной в этом слове орфограммы во всех лексемах с этой орфограммой, т.е. необходимо учесть критерий степени устойчивости данной точки системы. Подробный разбор примера см. в п. 5.

4. Критерий соответствия системе – при отсутствии в теоретической орфографии законченной теории об орфографической системе с определением всех ее дихотомий – часто понимается либо как соответствие системе языка, либо как соответствие правилам орфографии. И тот, и другой подход – сильное огрубление.

Отождествление системы письма с системой языка прочно вошло в школьную практику. При таком подходе письмо лишается самостоятельности, рассматривается как “одежда языка”, не имеющая собственных единиц описания, собственных дихотомий, движущих сил. Ее якобы “вторичность” возводится в ранг “отличительной черты орфографической нормы” [30]. Однако система письма усваивается в большей степени из чтения текстов, а не из изучения системы языка, грамматики, усваивается автоматически, машинально, бессознательно. Связь системы письма с системой языка не подвергается сомнению, однако отождествление здесь неуместно: единицы системы письма не совпадают абсолютно с единицами ни морфологического, ни фонемного, ни синтаксического уровня.

Отождествление системы письма с системой правил также неправомерно, поскольку правила отражают сложившуюся норму, а норма есть реализация только одной из возможностей системы. Например, написание *предистория* соответствует одной из системных возможностей, но не соответствует норме, закрепившей другую возможность системы, отражающую произношение твердого согласного – *предыстория*, хотя при этом не соблюдается принцип единства написания морфемы. Поэтому оценка данного варианта с точки зрения системы не совпадает с его оценкой с точки зрения нормы как одной из реализаций возможности системы. Следовательно мы говорим не о соответствии системе, а о соответствии реализованной части системы, даже если эта реализация очень ограничена.

Приведем несколько примеров, в которых системный критерий был основным при принятии кодификационного решения.

Пример 1. Слово *разыскной* было решено писать с приставкой *раз-*, что соответствует правилу о написании

приставки *раз-* в безударной позиции. Это противоречило и практике письма, и существовавшей на тот момент кодификации. Но Орфографическая комиссия рекомендовала системный вариант. Сегодня этот вариант можно считать принятым обществом.

Пример 2. Критерий соответствия системе стал ведущим при кодификации новых заимствований на [шън]. В [34] так объясняется кодификация, например, слова *фикшен*: «В настоящее время написание данного слова колеблется (пишут *фикши* и *фикшен*), “Русский орфографический словарь” установил написание финальной части слова по произношению с проясненным гласным [шен]; ср. слова с аналогичным произношением и написанием финали: *ресепшен*, *сейшен*, *промоушен*, *фешен*–..., *фьюжен*, *экшен*». Слова на [шън] обсуждались на Орфографической комиссии, так как в практике письма абсолютно господствовал (и господствует) вариант написания слов с буквосочетанием *ин*, однако, по замечанию А.А. Зализняка, такое написание приписывало шипящему несвойственную ему слогаобразующую функцию. Это действительно противоречило бы системе: в русских словах с аналогичным произношением конца слова пишется буква *е*, ср. *вишен* (при *вишня*), *черешен* (*черешня*), *кромешен* (*кромешный*).

Пример 3. Написания йотированных гласных после твердых шипящих, отражающие мягкое произношение шипящих в языке-источнике, закрепились в эпоху, когда еще оставались в некоторых позициях мягкие шипящие. При том что фонетическая система не приняла новых фонем и “из орфоэпической нормы уходит старое произношение *жюри* с мягким [ж’], а мягкость [ш’], [ж’] в таких словах, как *амбушюр*, *брошюра*, *жюльверновский*, *жюльен*, *жя-майтский*, *парашют*, уже ушла в прошлое” [36, с. 265], эти написания становятся чисто конвенциональными. В XX в. таких заимствований нет (вернее, они есть только в собственных именах, которые составляют особую подсистему в системе письма). Это объясняется тем, что “для сохранения мягкости шипящими в заимствованиях исчезла необходимая почва, которая была в более раннюю эпоху, при массовых заимствованиях из французского языка” [Там же].

Пример 4. При кодификации слов с [э ударным] [э-образным безударным] после твердых согласных часто предпочтение отдается системному варианту с буквой *е* (*кеш*, *мейкап*, *мейл*, *мейнстим*, *интернет*, *нюсмейкер*, *ремейк*, *сандтрек*, *сейлборд*), хотя добавлено и много слов с буквой *э*. Мы считаем вариант с буквой *е* системным, поскольку в русской графической системе буквы *э* – *е* составляют привативную оппозицию. Буква *е* является немаркированной и употребляется и после мягких, и после твердых согласных, а буква *э* употребляется только после твердых согласных. Проблема при кодификации входящих в язык слов состоит в том, что по мере усвоения слова согласный перед [э] может смягчиться, а может остаться твердым, что могут появиться производные с тем же корнем, но со смещенным ударением, а в такой позиции вероятность смягчения сильно возрастает (см. [37]). Если кодификатор закрепляет слово с буквой *э*, а произношение слова меняется или появляются однокоренные с безударным корнем и мягкой

согласной перед буквой *э*, то это приведет к изменению привативной оппозиции: согласные и перед буквой *э*, и перед буквой *е* могут быть и твердыми, и мягкими. Поэтому политика кодификаторов по ограничению кодификации слов с буквой *э* представляется оправданной.

Отдавая преимущество системному критерию, кодификаторы далеко не всегда ему следуют (ср. например, увеличение слов с буквой *э*). Это вовсе не означает, что они не знают, что делают. Они сознательно учитывают следующий фактор “степени упорядоченности системы”.

5. Какова степень упорядоченности данной области как части саморазвивающейся системы? Как любая открытая система, письмо обладает свойством неравновесности. Ни одна живая система не может быть устойчива на 100%, это до поры до времени не мешает ее функционированию. Кодификатор может рекомендовать несистемный вариант (например, *бестселлер* при *селинг*; *сплиттер* – *сплит-система*, *сплит*; *роллер* – *ролики*; *контроллинг*, *контроллер* – *контроль*, *контролер*; *тревеллинг* – *тревел-чек*, *споттинг* – *спот*, *стоппер* – *стоп*; *твиттер* – *твит*, *твитнуть*), но он должен понимать, в каких пределах он может это делать без риска потерять рычаги управления (т.е. надо оценить количество слов, в которых нарушается принцип единообразного написания морфем, и угрозу распространения этого явления и на русские корни типа *зацеппинг*).

Пример 1. Последнее издание РОС включает 46 слов на *-инг*, которые в языке-источнике имеют удвоенную согласную, среди них только для 11 слов предлагается написание с одной согласной (2 старых слова: *слябинг*, *фитинг* – и 9 слов введены после 1991 г.: *блогинг* (как и *блог*, *блогер*), *канцелинг*, *пресс-клипинг*, *свопинг*, *спаминг* (как и *спамер*, *спамить*), *селинг* (хотя *бестселлер*), *трекинг*, *шипинг*, *шопинг* (как и *шоп*, *шопингомания*), 35 слов с удвоенной согласной (напр. *баггинг*, *джиббинг*, *джоггинг*, *спеллинг* (как и *спеллер*, *спелл-чекер*). Также дается около 60 слов на *-ер* с позиционно удвоенной согласной в языке-источнике, из них только 9 с одной согласной (*аутригер*, *бутлегер*, *дебагер*, *клабер*, *мобер*, *форматер*, *сканер*), а 51 – с удвоенной (напр. *баннер*, *бемиситтер*, *плоттер*). Таким образом, в данной области письма можно с сожалением констатировать преобладание несистемного подхода к кодифицированию нормы. История усвоения слов показывает, что количество корней с удвоенной и одиночной согласной растет. В результате встает вопрос о возможной перекодификации уже введенных в словарь слов.

Пример 2. При решении частного вопроса о кодификации слова *греко()католики* кодификаторы проверили не только частотность встречаемых вариантов именно этого слова, но и всю группу существительных с соединительной гласной. Насколько она устойчива? Выделилась группа слов, похожих по строению на слово *грекокатолики*. Нами было проанализировано 46 слов, из которых: 18 слов

пишутся чаще против правила (*англо-американцы, англо-кельты, греко-католики...*), 11 – написание чаще соответствует правилу (*англоафриканцы, индоевропейцы, афроазиаты...*), 17 – написание в узусе вариативно без преимущества того или иного варианта (*австро(-)венгры, англо(-)канадцы*) (хотя 5 из них имеют давнюю словарную кодификацию). Выделить какую-то подгруппу, объединенную единым признаком, и создать подправило-исключение не удастся. Кодифицировать в соответствии с узусом – нарушать равновесность в очень неустойчивой группе, поэтому было принято решение включить некоторые слова из этой группы в слитном написании.

В целом можно сказать, что кодификаторы стараются не усиливать область исключений в той части письма, где есть смысл говорить об исключениях, т.е. которая подчинена строго детерминированным отношениям и описывается строгими правилами.

Однако степень неравновесности этой структурно-системной части письма существенно отличается от степени неравновесности асистемной части. Структурная часть обладает своими дихотомиями, обуславливающими наличие точек “напряжения”, которые предсказуемы (это и феномены, допускающие двоякую трактовку значимых для орфографии единиц, и взаимодействие подсистем, взаимодействие правил и исключений и др.). Возможность двойного понимания, ведущего к разному написанию, практически означает, что данный материал выключается из сферы действия правила как алгоритма, определяющего написание, и становится словарным. При этом разные словари могут по-разному кодифицировать одно и то же слово, опираясь на разные трактовки одного явления. Слова данного типа могут неоднозначно трактоваться не только составителями словарей, но и носителями языка, что, естественно, приводит к появлению разных написаний в узусе. Однако интересен не столько сам факт появлений колебаний, сколько складывающаяся в узусе картина функционирования таких областей письма без однозначной кодификации: в ней выделяются два полюса устоявшегося написания (полюс устоявшегося слитного написания и полюс устоявшегося дефисного написания) и поле вариативного написания. Такая картина характерна для всей асистемной части.

Пример. Такая картина вырисовывается в области слитного / дефисного / раздельного написания первых именных единиц на *-о, -е* в составе сложных существительных (*эхолокатор, кофемашина*) или словосочетаний (*кофе-автомат*). Для этих единиц возможна неоднозначная трактовка: это первая основа с соединительной гласной (с наложением или без него) или это самостоятельное слово. Т.е. группа слов выпадает из области строго детерминированных отношений и относится к асистемной части письма. Орфографический словарь по-разному кодифицирует слова с одной и той же первой частью, например, слова

с первой частью *кофе...*: *кофеварка, кофезаменитель, кофемашина*, но – *кофе-пресс, кофе-автомат, кофе-суррогат, кофе-брейк, кофе-пауза, кофе-порошок*; слова с первой частью *эхо...*: *эхолокатор, эхокардиограмма, эхолокация, эхолот, эхопочта, эходефектоскоп, эхоконференция, эхоподавитель, эхоподавление, эхопроцессор*, но – *эхо-волна, эхо-импульс, эхо-камера, эхо-метод, эхо-резонатор, эхо-сигнал* (в 2012 г. в новое издание РОС введено изменение, и все слова с *эхо...* даются в слитном написании). В узусе для некоторых таких первых частей возникают два полюса (возможно, разные по мощности): устойчивого слитного написания (*эхолокатор, эхокардиограмма, эходальномер; кофемашина*), устойчивого дефисного написания (*эхо-фраза; кофе-пресс, кофе-автомат, кофе-порошок, кофе-суррогат*) – и область с колеблющимся написанием (*эхо(п)очта, эхо(п)конференция, эхо(п)волна, эхо(п)голограмма, эхо(п)дефектоскоп, эхо(п)процессор, эхо(п)импульс; кофе(п)заменитель, кофе(п)завод*).

Кодификаторы в ситуации неоднозначной трактовки пытаются корректировать процесс орфографического освоения приходящих слов, прибегая к перекодификации. Таким образом, объективная неоднозначность содержательной трактовки слова или компонента слова может приводить к лингвистически оправданной вариативности в написании. И поскольку исключить возможность различного понимания нельзя, то нельзя избежать и вариативности в узусе для слов такого типа. Последняя же, в свою очередь, неизбежно проникает в словарь, создавая нежелательную вариативность в кодификации первой части сложных слов. Вот тут перед лингвистами и встает во весь рост непростая задача согласования словарной нормы и “рассогласованного” с ней живого узуса.

В теории орфографии-нормирования есть понятие “прецедент”, т.е. определение написания по аналогии с той или иной единицей. Однако при опоре на прецедент всегда вставал вопрос: почему в одном случае говорится об одной аналогии, а в других – о противоположной. Неравновесность саморазвивающейся системы, будучи ее сущностным свойством, предполагает возможность и почти неизбежность появления аттракторов, что и обосновывает теоретически такую политику орфографистов. Если структурно-системной части свойственны строго детерминированные отношения, то в остальной области действует вероятностная причинность. Это объясняет и теоретически оправдывает существование в орфографии двух типов правил: строгих правил (правил-предписаний, алгоритмов) и нестрогих, вероятностных правил (правил-тенденций, правил-рекомендаций). Как показала практика работы над правилами, в некоторых случаях область действия нестрогих правил может быть сужена и четко выделена.

Пример. Существует два подхода к регулированию написания сложных прилагательных: при одном подходе правило строится на выделении сочинительных или подчинительных отношений между составляющими, при другом — на наличии или отсутствии суффикса в первой составляющей. И при одном, и при другом подходе списки исключений остаются открытыми, что делает правило неработающим. Нам удалось, соединив эти два критерия, выделить область действия строгого правила (при сочинительном отношении и наличии суффикса в первой части слово пишется через дефис, при подчинительном отношении и отсутствии суффикса в первой части слово пишется слитно) и область действия нестрогого, вероятностного правила (при сочинительном отношении и отсутствии суффикса в первой части слово вероятнее всего пишется через дефис, при подчинительном отношении и наличии суффикса в первой части слово вероятнее всего пишется слитно, но и в том, и в другом случае точную кодификацию дает только словарь).

Любая саморазвивающаяся система может частично упорядочиваться, но лишь на время. Определение степени организованности важно для кодификатора: чем она выше, тем легче ее можно закрепить. Если в приведенном примере не сформулировать вероятностного правила, задающего вектор предпочтительности для кодификации новых слов и для узуса, то регулировать эту область будет со временем только сложнее.

6. Существует ли историческая тенденция изменения письма в данной области? Если историческая тенденция идет вразрез с современными статистическими предпочтениями, то для кодификаторов важно оценить степень устойчивости исторической тенденции, жизнеспособность современной противоборствующей тенденции. Тогда они смогут реализовать одну из двух возможностей: либо 1) сохранить сформировавшуюся за прошедшие века систему и не закреплять в качестве нормы те узуальные предпочтения, которые характеризуют точки бифуркации, либо 2) выбрать другой способ управления процессом изменения системы письма — способ накапливания противоречащих явлений, чтобы через этап катастрофы, т.е. скачкообразного изменения, реформы перейти к другой системе. Но при выборе второго пути орфографисты должны понимать, к какой системе они пытаются привести сегодняшнюю стихийно сложившуюся ситуацию. Надеяться на то, что саморазвивающаяся система сама в скором времени придет в необходимое для беспроблемного нормирования равновесное, устойчивое состояние, не приходится.

7. Объективная оценка активности влияния другой системы языка, другой орфографии возможна только в ретроспективе. Только изучение истории кодификации, анализ перекодификации позволяют

увидеть, насколько сильным было то или иное воздействие, насколько оно было преодолено системой русского письма.

Пример. Если говорить об истории письма с XVIII в., т.е. истории нормированного письма, то, пожалуй, самое сильное воздействие было со стороны западноевропейской орфографии на область слитного / раздельного написания. Заимствовав полуслитный способ написания, русская орфография выработала собственные правила слитного / дефисного / раздельного написания. Причем это не зависело от написания в языке-источнике. Так, слитно пишущиеся немецкие слова в русском языке могли закрепиться в дефисном или в слитном написании (*камерлакей, камермузыкант, камерсекретарь, камерфрейлина, камер-юнкер, камергер, камердинер, камертон, конференц-зал* при нем. *Kammerlakai, Kammerherr, Kammerdiener, Kammer-ton, Kammerfräulein, Kammerjunker, Konferenzsaal*). Раздельно или дефисно пишущиеся единицы французского языка получали слитное (преимущественно) или тоже дефисное написание в русском языке (*арьерсцена, барельеф, бельэтаж, визави, контрфорс, комильфо, беллетристика* — при фр. *bel étage, arrières-cène, bas-relief, vis à vis* “лицом к лицу”, *contre-force, comme il faut, belles lettres*), ср. также слова из других языков: *летка-енка* (польск. *letka-jenka*), *лендровер* (англ. *land-rover*). История перекодификации показывает тенденцию к расширению области слитного написания (ср., напр., написания в словаре А.Н. Чудинова (1910): *безмен, бельэтаж, брейнинг* (и *брэйн-ринг*), *биг-мак* (и *бигмак*), *вакуум-метр* (и *вакуумметр*), *гутта-перча*, а также *кадет, энэс*). История недавних по времени заимствований вполне соответствует этому выводу. Например, бытовавшее в 1990-е гг. огромное количество дефисных написаний не было связано с соответствующими дефисными написаниями в языке-источнике, ср. распространенные *оффшорный* (от англ. *offshore*) (см. [35]), *брифкейс* (*briefcase*), *маркет-мейкер* (*market maker*), *блицтурнир* (нем. *Blitzturnier*) и т.д. Тенденция к предпочтению слитного написания существительных с неупотребляемыми самостоятельно одной или обеими частями охватывает не только новые слова, но и уже устоявшиеся. Например, закреплённое в орфографическом словаре с 1974 г. написание *уик-энд* (англ. *week-end* и *weekend*) сегодня вытесняется вариантом в слитном написании.

Кроме ретроспективного анализа есть и общесистемный критерий, позволяющий предсказать возможность внешнего, иноязычного влияния на наше письмо в определенной области. Вероятность эффективности иноязычного влияния зависит от степени соответствия его системе русского письма. На каждой волне активного заимствования наблюдаются попытки отразить средствами русской графики звуковые особенности языка-источника, однако, как пишет Р.Ф. Касаткина, “фонетической системой языка заимствуется только то, к чему система подготовлена, хотя бы в каком-то своем фрагменте. Какими бы массивными ни были

потоки заимствований, они не оказывают влияния на звуковую сторону языка, если она защищена многослойной броней: определенным фонемным составом, набором аллофонов, сложившимися алгоритмами реализации фонем в речи, цепочками звуковых чередований” [34, с. 261].

История кодификации и перекодификации показывает, что система современного русского письма весьма устойчива к влиянию других систем, что колебания, возникающие под влиянием иноязычных систем, разрешаются без изменения самой системы: мы не заимствуем ни иноязычных фонем, ни новых способов оформления фразовых и нефразовых единиц, также и попытка латинизации русского алфавита не привела к успеху. Именно поэтому при наличии разнонаправленно действующих факторов фактор соответствия системе для нас является наиболее веским.

Выводы

Таким образом, выстраивая кодификационную политику в орфографии сегодня, нормализаторы видят своей целью сохранение системности русского письма в целом и поддержание существующего варианта системы и предпочитают на данном этапе постепенный, адаптационный способ изменения и формирования нормы. При принятии решения о кодификации необходимо учесть результаты ряда обязательных исследований, которые в совокупности складываются в единую методику, состоящую из следующих обязательных этапов.

1. Анализ современного письменного узуса всей исследуемой области, даже если речь идет об одной единице из этой области.

2. Если анализ письма показывает, что в данной области существует зона с колеблющимся написанием, то необходимо определить, существует ли статистическое предпочтение какого-то одного варианта. Формулируется предположение о существовании тенденции к расширению этого статистического предпочтения.

3. Проверка, имеет ли сформулированная гипотеза предсказательную силу. Эту проверку далеко не всегда легко найти, но в случае успеха это важный аргумент для принятия решения.

4. Определение возможностей системы для данной области письма и проверка на соответствие системе того или иного варианта.

5. Рассмотрение функционирования данной области письма в хронологическом аспекте. Исторические данные могут подтвердить сформулированную

гипотезу, а могут и идти с ней вразрез. Во втором случае необходимо оценить степень устойчивости исторической тенденции и либо сохранить сформировавшуюся за прошедшие века систему, либо понять, к какой системе было бы целесообразно перейти, и накапливать для этого данные.

6. Анализ существующих способов кодификации в написании слов данного типа: сопоставляются формулировки правил в различных источниках и сравниваются данные словарей. Формулировки правил анализируются на соответствие выделенным необходимым требованиям: адекватность проблеме, адекватность описываемому материалу, полнота охвата материала, непротиворечивость, адекватность выделенных критериев, полнота списка исключений, а также доступность формулировки правила для обычного носителя языка.

7. Сравнение современного реального письма с имеющейся кодификацией.

8. Выбор словарной кодификации или выработка формулировки правила, отвечающего введенным необходимым критериям. В тех случаях, когда предложенным правилом охватывается менее половины материала, следует говорить не о правиле в прямом смысле слова, а о правиле-тенденции, правиле-рекомендации.

Однако эффективность работы кодификатора во многом зависит и от внешних условий, среди которых социальная стабильность, отношение общества к кодификации, к статусу грамотного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956. [*Pravila russkoj orfografii i punktuacii* [The Rules of Russian Orthography and Punctuation]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1956.]
2. Полный справочник по орфографии и пунктуации / Под ред. О.Л. Соболевой. М., 1999. [*Polnyj spravochnik po orfografii i punktuacii. Pod red. O.L. Sobolevoj* [A Complete Guide to Punctuation and Spelling. Ed. by Soboleva, O.L.]. Moscow, 1999.]
3. Русский язык. Экспериментальные учебные материалы для средней школы / Под редакцией И.С. Ильинской, М.В. Панова. М., 1979. [*Russkij yazyk. Eksperimentalnye uchebnye materialy dlya srednej shkoly. Pod redakciej I.S. Ilinskoj, M.V. Panova* [The Russian Language. Experimental Teaching Materials for Secondary Schools, Ed. by Ilyinskaya, I.S., Panov, M.V.]. Moscow, 1979.]
4. Лопатников В.И. Экономико-математический словарь. Словарь современной математической науки. М., Дело, 2003. [*Lopatnikov, V.I. Ekonomiko-matematicheskij slovar. Slovar sovremennoj matematicheskoy nauki* [Economic-Mathematical Vocabulary. Dictionary

- of Modern Mathematical Science]. Moscow, Delo Publ., 2003.]
5. Голев Н.Д. Русская орфография как “вещь в себе” // Коммуникация. Текст. Вып. 2. Ч. 1 / Под ред. А.А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. [Golev, N.D. [Russian Orthography as a “Thing in Itself”]. *Kommunikaciya. Tekst. Vyp. 2. Ch. 1. Pod red. A.A. Chuvakina* [Communication. Text. Vol. 2. Part 1. Ed. Chuvakin, A.A.]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta Publ., 1998.]
 6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В трех томах. Т. I. М., 2006. [Efremova, T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka. V trex tomah. T. I* [Modern Dictionary of Russian Language. In 3 vols. Vol. I]. Moscow, 2006.]
 7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. [*Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar. Gl. red. V.N. Yartseva* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary. Ed.-in-chief Yartseva, V.N.]. Moscow, 1990.]
 8. Жукова А.Г. Ортология в теоретическом и прикладном аспекте. АКД, Новосибирск, 2002. [Zhukova, A.G. *Ortologiya v teoreticheskom i prikladnom aspekte* [Orthology in Theoretical and Applied Aspects]. AKD, Novosibirsk, 2002.]
 9. Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1997. [Golev, N.D. *Antinomii russkoj orfografii* [Antinomies of Russian Spelling]. Barnaul, 1997.]
 10. Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // Вопросы русского языкознания. Вып. 5. М., 1984. [Zaliznyak, A.A. [Observations on Birch Bark Manuscripts] *Voprosy russkogo yazykoznanija. Vyp. 5* [The Russian Linguistic Inquiries. Vol. 5]. Moscow, 1984.]
 11. Осипов Б.И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992. [Osipov, B.I. *Istoriya russkoj orfografii i punktuacii* [The History of Russian Spelling and Punctuation]. Novosibirsk, 1992.]
 12. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. [Uspenskiy, B.A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [The History of the Russian Literary Language (11th–17th Centuries.)]. Moscow, 2002.]
 13. Вахек Й. К проблеме письменного языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. [Vachek, J. [On the Issues of Written Language] *Prazhskij lingvisticheskiy kruzhok* [The Prague School]. Moscow, 1967.]
 14. Аванесов Р.И. Заметки по теории русской орфографии // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. [Avanesov, R.I. [Notes on the Theory of Russian Spelling] *Vostochnoslavjanskoe i obshhee yazykoznanie* [Eastern Slavic and General Linguistics]. Moscow, 1978.]
 15. Пиотровский Р.Г. О лингвистической синергетике // Научно-техническая информация. Серия 2. М., 1966. № 12. [Piotrovskiy, R.G. [On Linguistic Synergetics]. *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya. Seriya 2* [Scientific and Technical Information. Series 2]. Moscow, 1966. № 1.]
 16. Непелелова И.М. Организация, самоорганизация и дезорганизация языковой системы: механизмы оптимизации языка и речи (синергетический аспект). М.–Ижевск, 2014. [Nekipelova, I.M. *Organizaciya, samoorganizaciya i dezorganizaciya yazykovoj sistemy: mexanizmy optimizacii yazyka i rechi (sinergeticheskij aspekt)* [Organization, Self-Ordering and Disorganization of the Language System: Optimization of Mechanisms of Language and Speech (A Synergistic Aspect)]. Moscow / Izhevsk, 2014.]
 17. Köhler R. System Theoretical Linguistics. *Theoretical Linguistics*. 1987. Vol. 14. № 2–3. Pp. 241–258.
 18. Wildgen W. Basic Principles of Self-Organization in Language. *Synergetics of Cognition*. Berlin, New York, 1990.
 19. Соссюр Ф. Труды по языкознанию М., 2003 (Курс общей лингвистики. М., 1933.) [F. de Saussure. *Trudy po yazykoznaniju* [Works in Linguistics]. Moscow, 2003. (*Kurs obshhej lingvistiki. M., 1933.*) [Course in General Linguistics. M., 1933.]
 20. Зализняк А.А. Древнерусская графика со смешением ъ – о и ъ – е // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. [Zaliznyak, A.A. [Old Russian Graphics with a Confusion of ъ – о and ъ – е] *Otsy i deti Moskovskoj lingvisticheskoj shkoly: Pamyati Vladimira Nikolaevicha Sidorova* [Fathers and Sons of the Moscow Linguistic School: In Memory of Vladimir Nikolaevich Sidorov]. Moscow, 2004.]
 21. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII – XVIII. М., 2004. [Zhivov, V.M. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII* [Essays on Historical Morphology of the Russian Language, 17–18 Cent.]. Moscow, 2004.]
 22. Живов В.М. Восточнославянское правописание XI – XVIII веков. М., 2006. [Zhivov, V.M. *Vostochnoslavjanskoe pravopisanie XI–XVIII vekov* [Eastern Slavic Spelling of the 11th–18th Centuries]. Moscow, 2006.]
 23. Семенюк Н.Н. Норма // Общее языкознание. М., 1970, с. 337–338. [Semeniuk, N.N. [Norm]. *Obshhee yazykoznanie* [General Linguistics]. Moscow, 1970. Pp. 337–338.]
 24. Грот Я.К. Несколько разъяснений по поводу замечаний о книге “Русское правописание”: Записка акад. Я.К. Грота, читанная во II отд. Имп. Академии наук // сб. ОРЯС. 1886. Т. 40. № 1. С. 1–55. [Grot, Ya.K. *Neskolko razjasnenij po povodu zamechanij o knige “Russkoe pravopisanie”*: Zapiska akad. Ya.K. Grot, chitannaya vo II otd. Imp. Akademii nauk. Sb. ORYaS. 1886. T. 40. № 1. S. 1–55 [Several Explanations for the Observations on the Book “Russian spelling”: Note Acad. Grot, Y.K., read in II Div. Imp. Academy of Sciences. Coll. ORYAS. 1886. Vol. 40. № 1. Pp. 1–55.]

25. Арутюнова Е.В. Реформы русской орфографии и пунктуации в советское время и постсоветский период: лингвистические и социальные аспекты. АКД, М., 2016. [Arutyunova, E.V. *Reformy russkoj orfografii i punktuacii v sovetskoe vremya i post-sovetskij period: lingvisticheskie i socialnye aspekty* [Reforms of the Russian Orthography and Punctuation in the Soviet Era and the Post-Soviet Period: Linguistic and Social Aspects]. DCE, Moscow, 2016.]
26. Хакимова Е.М. Ортологическая система современного русского языка: онтологические основания лингводеонтического. АДД. Нижний Новгород, 2015. [Khakimova, E.M. *Ortologicheskaya sistema sovremennogo russkogo yazyka: ontologicheskie osnovaniya lingvodeonticheskogo* [Orthological System of Modern Russian: the Ontological Foundation of the 'lingvo-deonticheskyy']. ADD. Nizhniy Novgorod, 2015.]
27. Иванова О.Е. Орфография терминологии с точки зрения стратегии кодификации // Русский язык в научном освещении. 2015. № 2 (30), с. 21–44. [Ivanova, O.E. [Spelling Terminology in Terms of Codification Strategy] *Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii* [Russian Language in a Scholarly Light]. 2015. № 2 (30). Pp. 21–44.]
28. Бешенкова Е.В. Политика орфографистов и ее влияние на письмо // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). [Beshenkova, E.V. [Spelling Policy and Its Impact on the Written Language] *Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii* [Russian Language in a Scholarly Light]. 2013. № 2 (26).]
29. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М., 2006. 480 с. [Pravila russkoj orfografii i punktuacii. *Polnyj akademicheskij spravochnik*. Pod red. V.V. Lopatina [The Rules of the Russian Orthography and Punctuation. The Full Academic Handbook. Ed. Lopatin, V.V.]. Moscow, 2006. 480 p.]
30. Беликов В.И. К методике корпусного исследования лексики // Русский язык и новые технологии. М., 2014, с. 99–130. [Belikov, V.I. [On the Method of the Corpus-Based Vocabulary Studies] *Russkij yazyk i novye tehnologii* [Russian Language and New Technologies]. Moscow, 2014. Pp. 99–130.]
31. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 1965. [Obzor predlozhenij po usovershenstvovaniyu russkoj orfografii (XVIII–XX vv.) [A Review of Proposals to Improve Russian Spelling (18th–20th Centuries.)]. Moscow, 1965.]
32. Граудина Л.К. Языковая норма и статистика // Языковая норма и статистика. М., 1977. [Graudina, L.K. [Language Norm and Statistics] *Yazykovaya norma i statistika* [Language Norm and Statistics]. Moscow, 1977.]
33. Харченко С.Ю. Правописание наречий (проблема совершенствования орфографической нормы). Автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. [Kharchenko, S. Yu. *Pravopisanie narechij (problema sovershenstvovaniya orfograficheskoy normy)*. Avtoref. ... kand. filol. nauk [Spelling of Adverbs (On the Problem of Spelling Norm Improvement). Cand. Philol. Sci. Diss.]. Volgograd, 2001.]
34. Бешенкова Е.В., Иванова О.Е., Чельцова Л.К. Объяснительный русский орфографический словарь-справочник. М., 2015. [Beshenkova, E.V., Ivanova, O.E., Chelcova, L.K. *Obyasnitelnyj russkij orfograficheskij slovar-spravochnik* [An Explanatory Russian Spelling Dictionary / Directory]. Moscow, 2015.]
35. Подчасова С.В. Оффшор – налоговый рай за рубежом // Русская речь. 1996. № 1. [Podchasova, S.V. [Offshore – A Tax Haven Abroad] *Russkaya rech* [Russian Speech]. 1996. № 1.]
36. Касаткина Р.Ф. Новые лексические заимствования во взаимодействии с некоторыми звеньями консонантной системы // Жизнь языка: памяти Михаила Викторовича Панова. М., 2007, с. 262–269. [Kasatkina, R.F. [New Lexical Borrowing in Conjunction with Some Parts of the Consonant System] *Zhizn yazyka: pamyati Mixaila Viktorovicha Panova* [The Life of Language: In Memory of Mikhail V. Panov]. Moscow, 2007. Pp. 262–269.]
37. Гловинская М.Я. Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л.П. Крысина и Д.Н. Шмелева. М., 1976, с. 100–122. [Glovinskaya, M. Ya. [Variable Pronunciation of Loan Words in Modern Russian] *Sotsialno-lingvisticheskie issledovaniya*. Pod red. L.P. Krysin i D.N. Shmeleva [Socio-Linguistic Research. Ed. Krysin, L.P. and Shmelev, D.N.]. Moscow, 1976. Pp. 100–122.]
38. Ахманова О.С., Бельчиков Ю.А., Веселитский В.В. К вопросу о правильности речи // Вопросы языкознания. 1960. № 2. [Akhmanova, O.S., Belchikov, Y.A., Veselitsky, V.V. [On the Question of the Correctness of Speech] *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistic Inquiry]. 1960. № 2.]